

Последние 100 дней

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Christopher Hitchens

MORTALITY

Foreword by Graydon Carter

Afterword by Carol Blue

NEWYORK BOSTON

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Кристофер Хигченс

ПОСЛЕДНИЕ 100 ДНЕЙ

Перевод с английского Татьяны Новиковой

Москва
2013

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 82-94:616-006
ББК 84(4)6-49:55.6
Х52

Хитченс, К.

Х 52 Последние 100 дней / Кристофер Хитченс; пер. с англ. Татьяны Новиковой — М. : Альпина Бизнес Букс, 2013. — 192 с.

ISBN 978-5-91657-661-0

Только серьезно заболев, понимаешь, каким богатством является жизнь. Блестящий интеллектуал и яркий полемист, американский писатель Кристофер Хитченс, сопротивляясь страшному диагнозу, до конца своих дней писал эту книгу. Это его последний репортаж, но уже не из «горячих точек», куда он часто отправлялся по заданию редакции, а из больничной палаты.

Это откровенный и горький рассказ о том, как жить в болезни. Это мир едких и глубоко личных размышлений о собственной жизни, любимой работе и о той боли, какую причиняет писателю и оратору потеря возможности общаться.

Агностик в самом честном смысле этого слова, Хитченс остался верен себе до последней буквы.

Это книга для тех, у кого есть опыт борьбы и потерь. Для тех, кто пытается быть откровенным честным, а в тяжелые минуты стремится устоять.

УДК 82-94:616-006

ББК 84(4)6-49:55.6

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

ISBN 978-5-91657-661-0

© Christopher Hitchens, 2012

© Издание. Перевод. Оформление

ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

*Приносим огромную благодарность журналу
Vanity Fair, где большая часть этой книги
была опубликована в несколько иной форме.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ГРЕЙДОНА КАРТЕРА

Однажды весной¹ на званом ужине в Лос-Анджелесе ко мне подошел молодой актер Эмиль Хирш. Он знал, что я много лет работал с Кристофером Хитченсом, и ему хотелось поговорить об этом человеке с кем-нибудь, лично знавшим его. Хирш прочитал Hitch-22² и книгу о Киссинджере³ и сказал мне, что все написанное Кристофером оказало на него колоссальное, ни с чем не сравнимое влияние. В течение нескольких месяцев после смерти Кристофера я общался со многими молодыми людьми, и все отмечали, что его книги проникают глубоко в душу. Я не преувеличу, сказав: мало кто, как Кристофер, умел вести с читателем душевный разговор. Но вдобавок было еще нечто

особенное в его дерзкой отваге, в реактивной работе ума, в сочетании дружелюбия и непредсказуемости — и это притягивало людей от двадцати до тридцати лет. Так в свое время привлекал Хантер С. Томпсон⁴, оказавший сильнейшее влияние на предыдущее поколение. Эмиль Хирш спросил меня, не состоится ли какой-нибудь вечер памяти Кристофера, и я ответил, что предварительно мы планируем провести его в Нью-Йорке 20 апреля⁵.

Вечер действительно состоялся 20 апреля в Большом зале Купер-Юнион в Гринвич-Виллидж. Мои коллеги по журналу *Vanity Fair* Эми Белл (редактор Кристофера в нашем журнале⁶) и Сара Маркс организовали чтения — каждый прочитал отрывок из книг Кристофера. Мы хотели, чтобы наша программа была теплой и проникнутой духом любви, но в то же время далекой от сентиментальности и позерства. Многие писатели пришли, чтобы отдать дань памяти Кристофера и высказать слова соболезнования его вдове Кэрол и троим детям. На церемонии выступили Мартин Эмис⁷, Том Стоппард⁸, Салман Рушди⁹, Иэн Макьюэн¹⁰ и Джеймс Фентон¹¹. Пришли Анна Винтур¹²,

Дэвид Ремник¹³, Джем Келли¹⁴ и Рик Стенгел¹⁵. Присутствовали брат Кристофера Питер¹⁶, Эндрю Салливен¹⁷, Кристофер Бакли¹⁸, Эндрю и Лесли Кокберн¹⁹ с дочерью, замечательная актриса Оливия Уайлд²⁰. Пришел брат Эндрю Патрик. Администрация президента Буша была представлена бывшим заместителем министра обороны Полом Вулфовицем²¹; его присутствие напомнило о причудливом повороте судьбы Кристофера — участии в иракской войне. Из Голливуда приехал Шон Пенн²². И мне было очень приятно увидеть юного мистера Хирша.

После окончания вечера участники собрались в находящемся поблизости ресторане Waverly Inn. Глядя на солнышке, мы вспоминали Кристофера за бокалом вина и сигаретами. У этого окрашенного скорбью дня возникло магическое свойство — он не заканчивался: вечер перешел в ночь, ночь — в утро, а мы, десятков или более осиротевших близких, все еще не расходились. Для нас вечер памяти Кристофера стал, как сказали бы в 1960-е гг., хеппингом²³, и мы не скоро его забудем.

Кристофер был исключительным человеком — остроумным, обаятельным, сложным,

безгранично преданным своим друзьям. Он обладал поразительной жадой жизни, наслаждался сигаретами, виски, общением, прекрасными книгами, содержательной беседой. А главное, он бесконечно восхищался чудом бытия. Трудновато будет найти писателя, который за сорок лет создал бы такое количество статей, очерков и книг, как он. Он писал много, можно даже сказать, постоянно, и продолжал работать до самого конца. Кристофер писал быстро, часто без черновиков, сразу на белом. Наверное, в глубине души он знал, что его присутствие на сцене закончится ко второму акту²⁴, и спешил взять от жизни все, что можно, — и все, что можно, отдать. Вспоминаю один совместный обед в 1991 г., в мою бытность редактором New York Observer. Эми Белл, Кристофер и я отправились перекусить в небольшой ресторанчик на Мэдисон (теперь его уже нет). Кристоферу нужно было сдавать статью в завтрашний номер. Перед обедом мы выпили виски, за обедом пару бокалов вина, после обеда по бокалу коньяка. Он всегда так и жил. Мы вернулись в редакцию, и он направился к своему шаткому столу и старенькой пишушей

машинке Olivetti. И под стук клавиш он буквально за полчаса выдал нам великолепную статью в тысячу слов.

Кристофер стал одним из первых писателей, которых я пригласил к сотрудничеству, когда в 1992 г. пришел в Vanity Fair. За шесть лет до этого я просил его писать для Spu. Просьба была вежливо отклонена. Vanity Fair подкрепил мою инициативу предложением солидных гонораров, и, к моей огромной радости, Кристофер согласился и стал ведущим сотрудником журнала. Кроме Доминика Дана²⁵ (который умер в 2009 г.), ни один автор не оказался настолько тесно связан с журналом. Для Кристофера не существовало серьезных или несерьезных тем. За прошедшие двадцать лет он побывал практически во всех горячих точках нашей планеты. Ради хорошей статьи он был готов пойти на любые унижения и неудобства. Однажды я послал его в сражение с одним из самых дурацких законов, когда-либо принятых в Нью-Йорке, — законом, запрещающим ездить на велосипеде, не ставя ноги на педали. Рядом с колонкой Кристофера была помещена фотография: на ней он ехал

по Центральному парку на маленьком велосипеде, задрав ноги в воздух, словно артист из московского цирка. По предложению Тома Хедли, правой руки Харольда Хейза из журнала *Esquire*²⁶, я отправил Кристофера на курс самосовершенствования, состоявший из трех частей, и там он подвергся мириадам процедур, начиная с освежения ротовой полости и прочих областей организма. Однажды я предложил ему отправиться к печально знаменитому зубному протезисту, которого за глаза называли «так, сяк и крак». Он начал было протестовать, но, подумав пару секунд, несколько нервически улыбнулся и промолвил: «Ну, за деньги...»

Кристофер был истинным интеллектуалом. Читая его статьи, ты чувствовал: он пишет для тебя и только для тебя. В результате многим читателям казалось, будто они знакомы с ним лично. Прогуливаясь с ним по улицам Нью-Йорка или находясь в аэропорту, я не мог отделаться от ощущения, будто сопровождаю кинозвезду. Кристофер не просто смело боролся с постигшей его болезнью: его отвага проявлялась в словах и мыслях. Он не боялся выйти

за пределы уютного кокона общепринятого либерального мышления: явное доказательство тому — его выступления в пользу войны в Ираке²⁷. В те дни многие друзья отвернулись от него. Но он не сложил руки. После его знаменитого выступления против матери Терезы²⁸ в 1995 г. один из наших редакторов, истинный католик, пришел в редакцию и заявил, что отказывается от подписки. «Вы не можете от нее отказаться, — сказал ему я. — Вы получаете журнал бесплатно». Много лет назад, во время кампании за импичмент Клинтона²⁹, Кристофер публично поскандалил со своим другом, Сиднеем Блюменталем³⁰, работавшим в Белом доме. Эта история вышла за пределы обычной ссоры, стала достоянием общности, и Кристоферу предстояло выступить на телевидении в свою защиту. Он тогда адски плохо выглядел. Я предложил ему поехать в Нью-Йорк, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к выступлению. Журнал взял на себя все расходы. Мы купили Кристоферу новый костюм, рубашки, галстуки — словом, все. Когда кто-то из отдела моды спросил, какой размер обуви он носит, Кристофер ответил,

что не знает — ботинки, что на нем, он у кого-то позаимствовал.

Не могу перечислить всех интеллектуалов и близких друзей, которые оплакивали его уход. Их число не ограничивается теми, кто пришел на вечер его памяти. Кристофера любили женщины — среди них и миссис Винтур, — когда он был юным и когда утратил свежесть. Жена Кристофера, Кэрол, писательница, режиссер и легендарная хозяйка, знала, как нужно ухаживать за таким редким цветком, как ее муж. Она была рядом с ним и в здравии, и в болезни. Приглашение в их огромный дом в Вайоминге в штате Вашингтон было великой честью — вы становились частью их круга или хотя бы прикасались к нему. В 1990-е и 2000-е гг. мы проводили у них ужин для журналистов, выступающих против политики Белого дома, — Кристофер называл эти сборища «Салонами отверженных»³¹. У него можно было встретить кого угодно: судей Верховного суда, правых политиков, Барбру Стрейзанд³², отъявленных «леваков»... Он был другом для всех, кто любил его друзей. И в результате друзей у него было немало.

Карьера Кристофера сложилась удачно — она началась острыми публикациями в британском журнале *New Statesman*³³ и продолжилась в Америке, где он где только ни писал — от *Atlantic*³⁴ и *Harper's*³⁵ до *Slate*³⁶ и *New York Times Book Review*³⁷. И везде его считали собственным корреспондентом. Он стал легендой среди ораторов и мог обсуждать что угодно с кем угодно. Он был удостоен множества премий (хотя не они питали его творчество), а в последнее десятилетие своей жизни написал несколько бестселлеров, в том числе прекрасно принятые публикой воспоминания *Hitch-22*, публикация которых наконец-то принесла достаток в семью. В последние недели жизни он узнал, что в его честь назван астероид. Он был благодарен за оказанную честь, особенно потому, что это слово по-гречески означает «подобный звезде», а еще потому, что астероиды могут летать свободно.

В памяти друзей навсегда останется легкое и тонкое чувство юмора Кристофера, его потрясающая и порой беспощадная память, не отказывавшая ему даже в сложнейших условиях ночной работы. И всем нам, читателям,

Кристофер Хитченс всегда будет памятен благодаря словам, которые оставил после себя. Последние из написанных им, лишённые каких-либо сантиментов или жалости к себе, стали завершающими в его жизни. И при этом — лучшими.

*Июнь 2012
Нью-Йорк*

Последние
100 дней

Кристофер
Хитченс

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks